

© 2020

Дмитрий Егоров

доктор философских наук, профессор Псковского филиала
Академии ФСИН России и Псковского государственного
университета
(e-mail: de-888@ya.ru)

СТОИМОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ – КАТЕГОРИЯ ИЗЛИШНЯЯ ИЛИ НЕОБХОДИМАЯ?

Автор исходит из того, что экономика – нелинейная сложная система с глубоким разделением труда. Если считать целью экономики максимальное удовлетворение потребностей общества как интегрального целого с минимумом издержек, возврат к стоимостному подходу весьма актуален.

Ключевые слова: информация, мера, принцип, стоимость, экономическая теория.

DOI: 10.31857/S020736760010113-3

На взгляд автора, первопричина проблем современной экономической теории – в произошедшем сто лет тому назад отказе от категории «стоимость». В теории это привело к фактическому отказу от объективной меры, а на практике – к переходу от количественных критериев управления экономическими системами к качественным (а также к гипертрофии в мировой экономике виртуально-финансового сектора, в ущерб сектору реальному).

Вопрос о категории «стоимость» в экономической теории рассматривался нами ранее в ряде работ [напр. 1, 2]. Однако отнюдь не все аспекты проблемы имеют сегодня ясное и общепринятое решение, хотя актуальность их исследования, бесспорно, исключительно велика. В данной статье дается системный обзор идей, связанных с понятием стоимости¹. При этом автор следовал не столько хронологии идей², сколько их взаимосвязи и внутреннему развитию (как это понимает автор).

В работе [4] нами был предложен подход к построению неравновесной микротeorии, предполагающий принцип существования стоимости. Ниже обосновывается связь концепции стоимости с интерпретацией экономики как нелинейной сложной системы с глубоким разделением труда (что в [4] было эксплицировано скорее конспективно).

Еще Платон отметил, что социальная природа человека – в его несовершенстве [5. 369В]: отдельный индивид не способен создать все нужное для жизни. Государство появляется (в том числе) тогда, когда осознается выгода от разделения труда и кооперации. В то же время при этом возникает необходимость обмена качественно различными вещами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов №№ 19-010-00092, 19-110-50228.

¹ Кроме того, по некоторым аспектам обсуждаемой проблемы наша позиция претерпела изменения.

² Исторический обзор теорий стоимости см., напр.: [3. С. 43–141].

Люди издавна интуитивно находят меры для такого рода обменов (основываясь на представлениях о степени трудоемкости продукта, его полезности, редкости, и т.д.). Эта мера и есть стоимость:

Стоимость — мера ценности³: некое объективное общее свойство, позволяющее проводить сравнение ценностей качественно различных вещей. Это понятие отражает то базовое свойство экономической реальности, что индивиды действительно как-то сопоставляют ценности, различные по своей природе.

До конца XIX века «стоимость» была в экономической науке центральной категорией. Однако сложности как выявления сущности стоимости, так и ее операционализации оказались столь велики, что к началу XX века в западной экономической науке стал преобладать неоклассический подход⁴, в рамках которого принимается тезис: все осмысленные экономические вопросы могут быть разрешены без использования категории «стоимость»⁵.

Однако насколько этот отказ от стоимости оказался оправданным?

Здесь мы считаем необходимым сразу отметить следующее: понятие «стоимость» имеет огромный историко-экономический контекст. В результате вопрос, и сам по себе сложный, дополнительно запутан многочисленными отсылками к смысловым оттенкам переводов терминов, различиям научно-философских школ и традиций. Поэтому наша позиция заключается в том, чтобы проблемы методологической *корректности определения* (и степени соответствия реальности) категории «стоимость» решать *ab ovo* (с чистого листа): и данное нами определение стоимости не предполагает никаких отсылок к пониманию стоимости у А. Смита, Д. Рикардо, Дж.С. Милля, К. Маркса и/или кого-либо еще.

Но в проблеме стоимости есть и другой аспект: вопрос о *сущности* стоимости. При рассмотрении этого второго аспекта мы предполагаем обращение к научно-историческому методу, в частности, рассмотрение трудовой, энергетической, информационной концепций стоимости.

Иными словами, наша методологическая позиция следующая:

1) вопрос об адекватности категории «стоимость» экономической реальности (желательности возврата к ней в экономической теории), и

2) вопрос о сущности стоимости — это два разных (хотя, конечно, связанных между собой) вопроса.

Тем самым мы констатируем, что раскрытие сущности стоимости не является обязательным условием для ее использования: априорное принятие существования стоимости корректно, даже если мы пока и не представляем ее реальной природы⁶. Такая ситуация в науке отнюдь не

³ Ценность — редкая полезность.

⁴ Ввиду очевидного теоретического доминирования в последние десятилетия неоклассический подход называют также «экономический *mainstream*».

⁵ Так, В. Парето уже в начале 20-го века счел возможным заявить, что любой искатель источника и сущности стоимости демонстрирует лишь свое невежество и непонимание сути экономического равновесия [6. Р. 246].

⁶ Можно использовать категорию «стоимость», разделяя позицию Ю. Осипова: стоимость есть категория трансцендентная, непознаваемая тайна [7. С. 16].

редкость: так, в физике до сих пор нет согласия по вопросу о сущности гравитации, но разве кто-то отвергает на этом основании понятие всемирного тяготения?

Но в первую очередь следует рассмотреть вопрос: а потеряла ли вообще что бы то ни было неоклассическая экономическая теория, практически элиминировав стоимость (отказавшись рассматривать ее как объективный феномен)? Может быть, место стоимости в самом деле не в категориях экономической теории, а в курсе истории экономических учений?

Почему от стоимости отказались, и к чему это привело. Произошедший 100 лет тому назад отказ от использования категории «стоимость», по нашему мнению, был глубоко закономерен: с одной стороны, тогда еще не был создан необходимый понятийный и математический аппарат⁷. Еще более значимыми были причины философско-мировоззренческие.

Здесь следует обратить внимание на следующее:

1) На протяжении XIX века происходит трансформация взглядов на сущность общества: в странах Запада практически завершается переход от общинного традиционализма к гражданскому обществу индивидуумов [9]. В результате в общественных науках распространяется методологический индивидуализм и тесно связанный с ним субъективизм. А вопрос о стоимости – это (в том числе) и форма вопроса о том, что есть общество по своей сути:

– целостная система, главное свойство которой – кооперация ее членов (элементов)?

– или общество есть просто множество индивидов с антагонистическими интересами, и главный тип взаимодействия – конкуренция?

Стоимости – это система цен, способствующих воспроизводству общества как целого (так трактовал вопрос еще Аристотель в «Никомаховой этике» [10]). Иными словами, стоимость – свойство системное. Но такая постановка вопроса уже неявно включает в себя принцип холизма (примат общих интересов): в рамках методологического индивидуализма такая постановка вопроса бессмысленна (а само понятие стоимости закономерно избыточно).

Далее: вопрос о стоимости – это и вопрос о том, есть ли что-то объективное за внешне субъективными экономическими действиями индивидов. Это может быть воля Бога или объективные свойства материальной (социальной) реальности, – но что-то *над* волей и желаниями индивида. Поэтому в вопросе о стоимости особых расхождений между объективным идеалистом (христианином) А. Смитом и материалистом (атеистом) К. Марксом не было. Если же принимать, что человек наделяет вещи ценностью собственной волей (и *только* ею), – значит, он (и только он) сам творит идеальный мир, – но тогда почему бы идеальный мир и не менять по своему произволу? В этом случае стоимость сначала перестает быть объективной категорией, а затем заменяется «потребительскими предпочтениями» и «предельными нормами замены товаров» [11].

⁷ Имеется в виду теория информации [8]: по нашему мнению, стоимость есть информационная мера ценности. Подробнее это обсуждается ниже.

2) Огромное влияние на становление неоклассической методологии оказала господствовавшая в науке конца XIX – начала XX веков философия позитивизма⁸. В процессе позитивистской революции в науке начала XX века (то есть переворота от мышления на основе универсалий к сугубо эмпирическому) стоимость, вместе с другими несводимыми к опыту понятиями, такими как «сила», «материя», «атом»⁹, была квалифицирована как понятие ненаучное, «метафизическое», – и в последующем исключена из списка теоретических конструкторов неоклассической экономической теории.

Однако в своем развитии неоклассическая теория столкнулась с рядом проблем, и это, по нашему мнению, прямо связано с отказом от стоимостного подхода.

Чтобы раскрыть сущность обмена с позиции *субъективных* оценок полезности, создатели неоклассической теории обратились к предельному (маржинальному) анализу (дифференциальному исчислению). Это потребовало введения в теорию ряда нереалистических допущений (бесконечной делимости благ, выпуклости функций, полной информированности агентов...) ¹⁰. Наименее реалистичен, по нашему мнению, сам принцип предельной полезности (уменьшения ценности каждой следующей единицы блага). При а) *единичном* и б) *индивидуальном* потреблении падение полезности, конечно, происходит, – но разве это вскрывает сущность экономических отношений? 2-я пачка чая менее ценна, чем первая? – Да, если употребить их за один присест. А если в течение недели – то это совсем не так. Но это если оставаться на территории, смежной с психологией (индивидуального потребления).

Однако экономика – это в первую очередь система организаций: вторая тысяча тонн угля для электростанции менее ценна, чем первая? Назначали ли кто-либо когда-либо зарплату работникам фирмы, высчитывая «предельную производительность труда»? ¹¹ Теория предельной полезности была построена не столько «под реальность», сколько под математический аппарат: это признавали и сами ее создатели [15. Гл. 2.6]. От проблем операционализации стоимости таким образом уйти действительно можно, но в результате получаем подход, непроверяемый теоретически (более того –

⁸ Термин «позитивизм» зачастую употребляют весьма вольно. Мы понимаем здесь под философией позитивизма идеи Э. Маха, Б. Рассела, философов Венского кружка и др. о том, что в науке следует избавляться от метафизических предположений, – путем замещения теорий эмпирическими обобщениями, выводимыми индуктивно из фактов: если теоретическое положение можно свести к фактам – оно научно, если нет – оно метафизично, следовательно – ненаучно.

Влияние позитивизма на неоклассическую экономическую методологию – вопрос сложный. Так, основоположники английской школы неоклассики (в первую очередь Джевонс) прямо заявляли о приверженности позитивизму, тогда как в рамках австрийской школы (Менгер) позитивистская методология отвергалась. Однако в контексте нашей работы важен аспект обоснованности отказа от концепции стоимости, – а и сам этот отказ, и последующая апологетика одного велись и ведутся именно с позитивистских позиций [12].

⁹ Так, убежденность в реальном существовании атомов Эрнст Мах сравнивал с верой в шабаш ведьм.

¹⁰ См. критику М. Алле [13. С. 229–235].

¹¹ «Сомнения по поводу справедливости неоклассической теории увеличились и из-за того, что бонусы руководителей в финансовом секторе остались высокими даже после того, как стало известно о том, сколько вреда их деятельность нанесла как тем фирмам, на которых они работали, так и обществу в целом» [14. С. 297].

находящийся с фактами в постоянном разладе [16. Гл. 9]), совершенно антиинтуитивный [17. С. 310–321], и не имеющий практического значения. Но это не все – взамен проблем с операционализацией стоимости закономерно появляются новые:

Теория без стоимости – это теория без меры. Проблема меры – одна из основных в науке: измерить – означает поставить в соответствие явлению некоторое число. В результате от качественных описаний мы переходим к количественным. Сложности математизации общественно-гуманитарных дисциплин – в почти полном отсутствии мер: как *точно* измерить степень культурного влияния русской литературы на таджикскую?

Экономика является счастливым исключением, ибо в ней мера существует – это деньги? Однако определить деньги как знак, означающий меру стоимости [18], можно в рамках классического стоимостного подхода. Если же мы отрицаем существование стоимости, то возникает вопрос – знаком чего, собственно, являются деньги?

Здесь следует обратить внимание, что неоклассическая теория, апологеты которой подчеркивают ее «позитивность», выступила в вопросе о сущности денег откровенно нормативной (и при этом – весьма идеологически ангажированной). В современной экономике деньги являются мерой *без эталона*, – и это прямое следствие десятилетий господства неоклассических представлений об отсутствии объективной ценности у какого-либо товара¹². Неоклассиками (в первую очередь монетаристами) деньги стали трактоваться просто как некий «экономический актив»¹³: «деньги – это то, что выполняет функцию денег (признается как деньги)».

Поэтому современная неоклассическая экономическая теория, при всей своей внешней математизированности – концепция принципиально качественная, ибо для операций с изменяющимися во времени количествами нужен объективный критерий сравнения, то есть мера.

Отрицание какого-либо объективного критерия ценности, – если его проводить последовательно – просто уничтожает всякую возможность каких-либо сравнений (а значит – количественных критериев управления): как можно сравнивать между собой экономические ресурсы, если в любой момент ценность любого из них может субъективно измениться? Поэтому в неоклассическом подходе принимается компромиссный принцип стабильности предпочтений индивида¹⁴. Но почему, собственно, предпочтения будут стабильны, если объективных оснований для этого нет?

¹² Раз ценность любого товара определяется соотношением спроса–предложения, а деньги – тоже товар, пусть особый, – ценность денег тоже можно определять соотношением спроса–предложения. Более того – так поступать следует, – ибо это «теоретически правильно». Это и сделало мыслимым, а затем и возможным признание в 15.08.1971 мировым общественным мнением отмену обмена долларов США на золото.

¹³ Природа этого актива якобы не важна – просто люди хотят его иметь (Почему хотят? – Это вопрос якобы «ненаучный», ибо природа потребительских предпочтений индивида трактуется в рамках *mainstream* как «черный ящик»). Но в современной экономике этот актив имеет вполне определенную природу – он выпускается ФРС США. Если это знак – уместен вопрос об обмене знака на его значение. А если «актив» – какие могут быть требования у его держателя? «Вы свободно обменяли на этот актив какие-то реальные ценности – теперь делайте со своим активом что хотите...»

¹⁴ «...предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений... образуют ядро экономического подхода» [19. С. 32].

Говорят, что закона сохранения денег (в отличие от закона сохранения энергии) нет. Но это не такая уж и шутка, а указание на фундаментальную проблему архитектуры современных мировых финансов: закон сохранения энергии выводится из физической симметрии относительно сдвига во времени [20]. Если бы такой симметрии не было — то есть если бы физические константы менялись во времени — закон сохранения энергии не выполнялся бы, и отсутствовала бы связь между различными временными состояниями какой-либо системы, и не имело бы никакого смысла прослеживание ее эволюции.

В современной экономике «денежные константы» постоянно меняются (колебаниями валютных кросс-курсов, инфляционным обесцениванием денег), — и сравнение различных временных состояний экономической системы также теряет смысл¹⁵.

Действительно: сравнение, например, ВВП страны в денежном выражении на протяжении ряда лет в условиях даже умеренной инфляции не дает значимой информации; в таких случаях, как правило, обращаются к показателям в натуральной форме.

В отсутствие меры рассмотрение экономики становится необходимо равновесным. Если использовать метафору весов, то неоклассический подход заключается в идее, что для поддержания «рыночного равновесия» нет нужды в оперировании с точным весом гирь (то есть с объективной стоимостью), — при потере равновесия надо просто класть на соответствующую чашу дополнительные гири, пока равновесие не восстановится. Более того — гири эти будут укладываться сами собой: «невидимой рукой рынка»¹⁶. Формализация этой идеи — неоклассический принцип *априорного* равновесия, который, в свою очередь, *необходимо* приводит к рассогласованию микромоделей и макротехории (предмет которой — ситуации, как правило, неравновесные: инфляция, безработица, др.). Но тогда каков может быть критерий управления экономической системой? Степень равновесности? И как ее измерить (и в каких единицах)?

Так как вышеуказанные теоретические проблемы прямо вытекают из неоклассической трактовки экономической теории (отказа от стоимостного подхода), то в ее рамках они принципиально неразрешимы.

На практике же плавающие курсы валют (и вообще превращение мировой экономики в огромное казино) приводят к огромным проблемам управления экономическими системами: даже планирование бюджетов больших государств ведется по сценариям: «если курс национальной валюты вырастет, то...», «если цена барреля нефти..., тогда...». Иными словами, отсутствие меры переводит вопросы управления с количественного уровня на качественный.

О сущности стоимости. То, что при построении научной теории идеальные теоретические конструкты не просто позволительны, но прямо

¹⁵ Зато становится весьма осмысленной спекулятивная раскочка экономической системы.

¹⁶ Основная рекомендация экономического *mainstream* в последние десятилетия — в сущности, это сведение управления экономикой к таргетированию инфляции [21], а все остальное якобы делает «невидимая рука рынка».

необходимы, в «большой» философии науки является в настоящее время общим местом [22. Гл. 2]. Известно это и собственным экономистам; например, такой авторитетный автор, как Дж. Ходжсон, пишет: «...в эпоху позитивизма в психологии и общественных науках (с 1920-х годов до послевоенных лет)... повсеместно была распространена неверная точка зрения, будто обсуждению ненаблюдаемых явлений нет места в науке» [23. С. 30].

Соответственно, если кто-то утверждает, что тезис «стоимость есть мера ценности» метафизичен и ненаучен, — в ответ можно обратить внимание на определения из учебника физики: «масса — мера инерции», «сила — мера взаимодействия тел», «энтропия — количество микросостояний, которыми можно реализовать макросостояние», др. Научное определение должно, согласно позитивистскому подходу, опираться на данные опыта? — но ведь тогда наука не может изучать даже «внешний мир»: его существование тоже невозможно обосновать никаким экспериментом. Как показал еще И. Кант, это же относится к понятиям «пространство» и «время» [24]¹⁷.

В то же время, способы измерения массы, силы и других физических величин существуют, в то время как универсальный алгоритм вычисления значений стоимости отсутствует.

Конечно, и экспликация сущности стоимости, и разработка алгоритма ее измерения, очевидно, были бы желательны.

Начнем с первого из этих вопросов.

Заслуга постановки проблемы стоимости в самом общем виде принадлежит Аристотелю. На вопрос «что определяет пропорции обмена при общественном распределении труда?» его ответом было утверждение, что эти пропорции должны позволять обществу воспроизводиться [10. С. 156–157]; на вопрос «в чем основа соизмеримости различных предметов?» — в том, что у них должно быть что-то общее [10. С. 154, 156].

Первая научная концепция стоимости (в современном понимании науки) создана В. Петти (1623–1687); смысл ее передает афоризм «Труд — отец богатства, а земля — его мать»: «Оценку всех предметов следовало бы привести к двум естественным знаменателям, к земле и труду» [25. С. 35]. Если под землей здесь подразумевать природу, то концепция Петти указывает на то, что все сущее делится на природу и культуру (коя есть продукт труда). Таким образом, Петти выдвинул двухфакторную модель собственности¹⁸. Раскрытие сущности стоимости, по нашему мнению — это экспликация того, как эти два базовых фактора разной онтологической природы можно привести к общему знаменателю.

¹⁷ Более детальное обоснование, что значительная часть критики концепции стоимости есть не столько наука, сколько идеология, см. [12].

¹⁸ Сделаем здесь следующее достаточно важное замечание: по нашему мнению, трех- и многофакторные модели стоимости (труд–капитал–земля; труд–капитал–природные ресурсы–информация. и т.д.) сводятся в конечном счете к двухфакторной:

Можно выделять как отдельные факторы информацию, энергию, финансы, технологии, и т.д., но в конечном счете любой фактор стоимости либо создан человеком (его трудом), либо это природный ресурс: капитал это обещательный труд, также как и любые информационные модели. Иными словами, деление на природу и культуру — исчерпывающее.

В «Политической арифметике» Петти сделал первую попытку создать алгоритм количественной оценки стоимости (в частности, национального дохода Англии). Последователи Петти, однако, преобразовали его синтетическую концепцию в *трудовую теорию стоимости*, пойдя по пути понижения (а затем — и вовсе элиминации) значимости природных ресурсов:

Уже младший современник Петти — Дж. Локк считал, что доля труда в полезности продуктов составляет как минимум 90 %, а в большинстве случаев 99 % [26. С. 148]. В рамках трудовой концепции сущностью стоимости было признано количество труда (а мерой — единица времени) [27–29]. Очевидно, при такой трактовке стоимость признается только за артефактами. Это, однако, противоречит здравому смыслу — стоимостью обладают и предметы, результатами труда не являющиеся (природные ресурсы).

Это стремился учесть в своей трактовке стоимости Дж. С. Милль, сформулировавший ряд законов стоимости: стоимость бывает рыночная и естественная (вокруг которой колеблется рыночная). Естественная стоимость невозпроизводимых товаров, в том числе природных ресурсов (а также товаров монопольных) зависит от редкости вещи, а для товаров, воспроизводимых потенциально неограниченно — от величины издержек производства, которые определяются в конечном счете количеством затраченного труда (ибо и капитал в сущности есть овеществленный труд) [30. С. 222–224].

Тем не менее в рамках классического подхода во второй половине XIX-го века доминирующей стала позиция К. Маркса: «Силы природы не стоят ничего; они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости» [31. С. 498]¹⁹. Труд Маркс определил как «затраты человеческой жизненной силы» [32. С. 15].

Попытка преодолеть недостаточную универсальность трудовой теории стоимости была предпринята в рамках *энергетической концепции стоимости*²⁰. Ее основоположник С. Подолинский [33–34] определил труд через использование энергии.

Труд — такая затрата мускульной силы человека или используемых им животных и машин, результатом которой является увеличение энергии Солнца, аккумулированной на Земле [34. С. 35]. По мнению Подолинского, прибавочная стоимость создается за счет аккумуляции на

¹⁹ Отметим, что вывод этот, хотя формально повторяет позицию Д. Рикардо, есть также следствие философских установок Маркса, что сущность стоимости есть отношения между людьми. Весьма вероятна и идеологическая подоплека: главную роль в марксизме как идеологии играет теория прибавочной стоимости, которую при учете стоимости природных ресурсов было бы гораздо сложнее построить (и выводы из нее были бы, вероятно, идеологически не столь однозначными).

²⁰ Здесь мы считаем важным отметить: рассматриваемые нами трудовая, энергетическая и информационные теории стоимости не являются антагонистическими; в сущности все они являются формами трудовой теории стоимости в том смысле, что направлены на раскрытие сущности труда и способов задания его меры (трудовую теорию можно было бы назвать временной теорией труда и стоимости).

Энергетическая и информационная теории являются также способами преодолеть дуализм вкладов природы и труда в формирование стоимости (см. ниже).

Земле энергии в доступной для человека форме (большей по сравнению с ее потреблением) [35. С. 4], а устойчивым развитием общества следует считать такое, при котором затраты одной калории человеческого труда вовлекают в оборот как минимум 20 калорий солнечной энергии²¹.

В последующем энергетическая концепция стоимости развивалась в ряде работ без жесткой привязки именно к солнечной энергии: «...все полезные предметы... представляют собой (независимо от вешних свойств) только концентрацию различного количества энергии» [36. С. 7]; П. Кузнецов трактовал стоимость как «теоретически необходимый минимум затрат энергии на изготовление любого предмета» [37. С. 237].

Действительно, во многих актах труда человек совершает работу, превышающую его мускульные возможности, за счет использования внешних потоков энергии. Однако есть много видов труда, в которых не используется внешняя энергия (например, сборка микросхемы; написание компьютерной программы, и т.д.). Труд в понимании «энергетистов», по нашему мнению, есть частный случай труда (то есть не охватывает всего объема понятия «труд»).

Энергетическая теория стоимости не подтверждается и конкретными расчетами межотраслевых балансов по национальным экономикам в целом [38. С. 754–755]²².

По нашему мнению, наиболее адекватной интерпретацией стоимости является *информационная концепция*, впервые сформулированная в 1974 году болгарским ученым И. Николовым [40] и развитая в ряде работ отечественных исследователей [38, 41]. Далее мы дадим наше понимание информационной концепции стоимости:

Информация – предельно общая (философская) категория. Как почти все философские категории, информация имеет набор близких, но не идентичных интерпретаций:

- мера *неопределенности*, степени нашего незнания о системе [8];
- мера *разнообразия* системы [42];
- мера организации, *присущей материальным объектам* [43. Р. 21];
- мера *влияния* одной системы на другую [44. С. 30].

Существует *математическая функция*, могущая служить мерой информации (обозначим ее **I**). Если $p(x)$ – функция распределения вероятности на интервале $[0, 1]$, то (для дискретно заданной функции распределения, и при условии $\sum p_i = 1$):

$$I = - \sum_i p \ln p \quad (1)$$

²¹ Так называемый «принцип Подолинского» [26. С. 170].

²² В то же время, элемент истины в энергетической концепции стоимости есть, и существуют ситуации, когда энерго–стоимостный подход вполне адекватен. Такова, в частности, практика планирования долгосрочных проектов добычи энергоносителей на основе оценок *EROEI* (*Energy Return On Energy Investment* – «энергоотдача от энергозатрат»). См. также [39].

Из всех предметов универсума выделим множество предметов ценных (по определению только они и есть носители стоимости), в котором выделим два подмножества: артефактов, и природных объектов. Попробуем найти то общее, что присуще как результатам труда, так и природным объектам, то есть точки соприкосновения трудовой теории стоимости и неоклассической концепции, связывающей цену в первую очередь с редкостью блага. Иными словами, мы ищем подход, снимающий дуализм в трактовке стоимости невоспроизводимых и воспроизводимых товаров по Дж. Миллю (дуализм вклада труда и земли по В. Петти) (см. выше). Если эти разные классы экономических ресурсов мы приводим, оценивая их, к чему-то общему, значит, что-то *общее между ними должно быть* (это и есть искомая сущность стоимости).

Дадим наше определение труда: Акт труда состоит в соединении в единую систему различных типов ресурсов (рабочей силы, природных ресурсов, артефактов, информации) с целью овеществления какой-либо идеальной модели, создающее полезный продукт:

Труд есть овеществление идеальной модели (овеществление мышления), создающее стоимость [45. С. 62–63]²³.

В первом приближении сложность продуктов труда²⁴ пропорциональна трудоемкости их изготовления.

Природные объекты тоже могут быть квантифицированы на основе информации: как в аспекте их сложности (в этом случае мы, также как и для артефактов, вычисляем информацию, разделив интересующий нас объект на элементы), так и в аспекте редкости (в этом случае сам объект рассматривается как элемент более общей системы, в которой вычисляется количество информации, соответствующее его относительной редкости).

При обмене и труде образуются новые комбинации ресурсов (новые объекты), с новым набором информационных характеристик. При этом сумма значений информационных мер может увеличиваться — что приводит к появлению распределяемого излишка (прибавочной стоимости). Главной причиной этого являются системные свойства экономических систем: целое может быть больше механической суммы частей²⁵.

Таким образом, в основе стоимости как результата труда, так и редкости ресурса — информация. Что позволяет уточнить определение:

Стоимость — информационная мера ценности объекта.

Оценить количество информации, определяющую стоимость объекта (его редкость и сложность, или степень деградации структуры объектов

²³ Таким образом, труд есть процесс увеличения информации.

Возможны случаи, казалось бы являющиеся исключениями (при более глубоком рассмотрении таковыми быть переставшими): так, делая сплав из двух чистых металлов, мы уменьшаем количество информации в аспекте сложности объекта, но создаем вещество *редкое*, увеличивая тем самым количество информации в аспекте распространенности.

²⁴ Которую можно квантифицировать на основе предложенной Шенноном вышеприведенной формулы (1), либо каких-либо ее модификаций, см.: [38].

²⁵ Логически необходимая предпосылка информационной теории стоимости — допущение возможности увеличения информации в Универсуме [45].

потребленных) возможно в любом отдельном случае, задав конкретную степень детальности деления системы на элементы при использовании формулы (1) – хотя и это не тривиальная задача²⁶. Но в случае общем задача принципиально усложняется еще одним фактором (который тоже имеет информационную природу):

3) Стоимость имеется *только* у объектов, которые обладают, помимо структуры и редкости, также *полезностью*. Если и структуру, и редкость можно квантифицировать на основе той или иной модификации формулы Шеннона, то полезность есть функция также и мира идеального: рассуждения о полезности того или иного фактора труда осмыслены только относительно исторически конкретного уровня науки и технологий²⁷.

Что же касается оценки информационной стоимости самих идеальных моделей (технологий, институтов, торговых схем, и т.д.), то здесь следует отметить: ментальный объект может быть выражен в знаках, и представлять тем самым объект информационный. Однако нельзя поставить в соответствие количество информации в такой записи с ее полезностью: описание изобретения может быть кратким, но принести огромный экономический эффект.

Сложность совокупной количественной оценки всех указанных выше аспектов (1–3) столь велика, что, по нашему мнению, универсальный алгоритм измерения стоимости *в информационных единицах* может мыслиться только теоретически, а на практике его реализация вряд ли возможна.

Следует ли из этого принципиальная неоперационализуемость стоимости?

Об операционализации стоимости. Прежде всего, заметим: из сложности операционализации не следует ненаучность понятия «стоимость» как такового, – также как невозможность универсального критерия истины [46. С. 446–447] отнюдь не делает несостоятельной науку в целом (смысл которой – именно в поиске истины)²⁸.

Если никто при построении неоклассической теории общего экономического равновесия [47] не объясняет, как конкретно *homo oeconomicus*

²⁶ К. Вальтухом были предложены процедуры количественной оценки стоимости минерального сырья на основе относительной распространенности того или иного ресурса в природе: показано, что существует определенная корреляция между ценами на конкретные полезные ископаемые и информационными оценками соответствующих запасов [38. С. 641]. Общую тенденцию обсуждаемый подход, вероятно, действительно отражает, хотя прагматически ценные оценки стоимости даже для минерального сырья (а в большинстве случаев это – фактически идеальный биржевой товар) получить весьма сложно.

²⁷ Так, уран в XIX веке почти не имел применения, а в XX веке стал стратегическим ресурсом. Другой радиоактивный элемент, сопоставимый с ураном по распространенности в земной коре – торий – в современных промышленных атомных реакторах не используется, и его стоимость существенно ниже. Однако если в будущем разработки ториевых реакторов (на внешних источниках нейтронов) будут доведены до промышленных образцов, стоимость его запасов, очевидно, станет сопоставимой с запасами урана.

²⁸ Следуя К. Попперу, отметим, что операционализация при построении теории не является обязательной: «...было бы ошибочным считать, что прежде чем мы получим критерий, позволяющий определить, болен человек туберкулезом или нет, фраза «Х болен туберкулезом» бессмысленна... отсутствие критерия истины не в большей степени лишает понятие истины смысла, чем отсутствие критерия здоровья делает бессмысленным понятие здоровья» [46. С. 444–446].

получает доступ ко всей значимой экономической информации, нет необходимости объяснять, как *homo oeconomicus* узнает «идеальные цены», то есть стоимость²⁹.

В конечном счете: правомерно ли возражать против использования геометрии на том основании, что реальные прямые никогда не бывают абсолютно ровными и бесконечно протяженными? Реальные прямоугольники и окружности никогда точно не соответствуют идеальным геометрическим фигурам, — а реальные цены отклоняются от стоимостей (тем сильнее, чем более реальный рынок отклоняется от модели рынка идеального), — но разве это основание элиминировать стоимость из теории?

Сложность операционализации не делает стоимость понятием *субъективным*: и сложность любого объекта, и его редкость, и конкретный уровень науки и технологии — все эти параметры объективны, и сами по себе не зависят от чьей-либо оценки. Иными словами, стоимость — это *свойство объекта* (элемента экономической системы), а не оценка его субъектом.

Может показаться, что из вышесказанного следует, что мы, пусть и декларируя объективность стоимости, фактически приходим к позиции Ф. Хайека: рынок — единственно адекватный механизм получения экономической информации [48]. Это, однако, не так.

Прежде всего, уже из принципиального признания идеи стоимости следует, что обратная связь через рынок должна иметь объективную меру, то есть деньги должны иметь *эталон*³⁰, как это и было большую часть человеческой истории. Современный рынок с плавающими курсами валют без эталона есть прямое следствие господства неоклассических идей о принципиальной субъективности любой ценности.

Далее, на идеальном рынке субъективная оценка ценности (цена) совпадает со стоимостью. Назовем вектор цен идеального рынка оптимальным вектором цен (ОВЦ). Прокомментируем, что из себя должен представлять ОВЦ, обратившись к модели межотраслевого баланса (МОБ): при перемножении ОВЦ с транспонированной матрицей прямых затрат мы получаем издержки производства. Они должны быть таковы, чтобы при вычитании их из ОВЦ в каждой отрасли оставалась «разумная прибыль»: достаточная для инвестиций, но не чрезмерная (чтобы исключить бегство капитала из других отраслей):

²⁹ Так как в неоклассической микротехории *homo oeconomicus* мыслится обладающим полной информированностью и абсолютной рациональностью, на идеальном рынке любой экономический агент очевидно может дать абсолютно объективную оценку любого ресурса: стоимость можно определить как цену ресурса на идеальном рынке.

Отметим также, что и неоклассическая теория общего равновесия Эрроу-Дебре [47] также утверждает только существование равновесного вектора цен и не содержит рецептов его вычисления.

³⁰ Отметим, что мы отнюдь не первые, кто высказывает эту идею. В числе наших предшественников укажем на такого в высшей степени успешного практика-финансиста, как Джордж Сорос, еще в XX веке выступившего с конкретным планом оздоровления мировых финансов через привязку новой мировой валюты к нефти [49. Гл. 18].

$$ОВЦ * (E - A^T) = l^{opt}, \quad (2)$$

где, E – единичная матрица;

A^T – транспонированная матрица прямых затрат;

l^{opt} – вектор оптимальной добавленной стоимости («разумная прибыль»).

Это – ценовые пропорции, позволяющие обществу воспроизводиться (по Аристотелю); это же – условие «состояния изобилия» Пьера де Буа-гильбера (1646–1714) [50. С. 50]; это же – стоимостное условие роста А. Эйхнера [51. Р. 338].

Очевидно, что в реальных экономических системах происходит деформация текущего вектора цен относительно ОВЦ. Теперь рассмотрим ситуацию с другой стороны: известно, что если в экономике задан вектор цен, то это определяет соответствующее ему равновесное состояние [52. С. 547]. Если этот вектор будет оптимален, то и соответствующее ему равновесное состояние будет также оптимальным. Может ли такой вектор (иными словами – стоимости) быть рассчитан?

На основе подхода МОБ В. Леонтьевым [53] и П. Сраффой [54] показано, что для определения относительных цен (пропорций натуральных обменов между отраслями) достаточно информации о количествах произведенных и реально израсходованных товаров в сочетании с правилом распределения прибавочного продукта³¹. Как показывает длительный опыт построения МОБ, межотраслевые коэффициенты достаточно постоянны, и меняются только с изменениями технологий (что само по себе есть свидетельство адекватности стоимостного подхода). При наличии денежного эталона, привязанного к какому-то базовому ресурсу (связанному по производственным цепочкам с большинством других товаров), это дает возможность расчета стоимостей. Для *современной экономики* таким базовым ресурсом очевидно является энергия, а оптимальным денежным эталоном – соответственно, энергетический³².

Итак, любая теория – модель реальности, и какие-то черты реальности элиминируют. Вопрос в том, что в экономической реальности главное, а что второстепенное (что можно элиминировать, а что необходимо оставить).

Л. Роббинс, в преамбуле к своему (ставшему в рамках неоклассического подхода академическим) определению предмета экономики, написал: «...именно в этой области [распределения] экономические обобщения имеют наибольшую практическую ценность» [57. С. 15]. Неоклассическая теория, – это теория, описывающая ситуации *распределения* уникальных ресурсов, в оценке которых велика роль сугубо субъективных факторов (например: аукционная распродажа).

Стоимостный подход описывает ситуации массового производства с разделением труда, с использованием существенно стандартизированных

³¹ См. подробнее: [55].

³² П. Сраффа предлагал в качестве эталона составной «стандартный товар» [54. С. 50–52]. Нам представляется, что такой подход для практической реализации слишком сложен; энергетический эталон сохраняет большую часть достоинств подхода Сраффы, и очевидно прост в практической реализации (см. подробнее, напр.: [56]).

ресурсов, в оценке которых преобладают объективные факторы (трудоемкость, энергоемкость, редкость ресурсов, наличный уровень развития технологий). Ему соответствует взгляд на экономику как на нелинейную сложную систему с глубоким разделением труда, наличием оборудования с длительным сроком службы и временных запаздываний информационных сигналов (оборотной стороной удобства использования денег). Очевидно, что такие феномены, как «товары Веблена», стоимостный подход не объясняет: человек, покупающий товар Веблена, руководствуется не экономической целесообразностью, а инстинктом иерархического доминирования.

Если считать процессы производства ценностей чем-то второстепенным, сущностью экономики — огромное казино, а главным способом получения благ — финансовые манипуляции, то и современный неоклассический mainstream, и вся архитектура современной мировой экономики едва ли не идеальны. Если же цель — максимальное удовлетворение потребностей общества как интегрального целого с минимумом издержек — тогда возврат к стоимостному подходу весьма актуален.

Литература

1. Егоров Д.Г. О возможности синтеза классической и неоклассической теорий: трактовка категории «стоимость» // Мировая экономика и международные отношения. № 3. 2008. С. 24–31.
2. Егоров Д.Г. Микротеория и стоимость // Общество и экономика. № 11. 2017. С. 81–90.
3. Соснина Т.Н. Стоимость: историко-методологическое исследование // Самара: Самарский государственный аэрокосмический университет. 2005. 435 с.
4. Егоров Д.Г., Егорова А.В. О построении неравновесной микротеории // Общество и экономика. № 2. 2020. С. 18–33.
5. Платон. Государство / Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3 // М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
6. Pareto V. Manuel d'Economie Politique // Paris: Giard & Briere, 1909. 695 p.
7. Осипов Ю.М. К поиску новой парадигмы / Экономическая теория на пороге XXI века — 2 // М.: Юрист. 1998. С. 5–16.
8. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике // М.: ИЛ. 1963. 830 с.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1 // М.: Феникс. 1992. 448 с.
10. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4 // М.: Мысль. 1984. С. 53–293.
11. Хикс Дж. Стоимость и капитал // М.: Прогресс. 1988. 488 с.
12. Егоров Д.Г. Неоклассика vs классика: есть ли в экономической теории третий путь? // Мировая экономика и международные отношения. № 6. 2016. С. 35–41.
13. Алле М. Условия эффективности в экономике // М.: Наука для общества. 1998. 304 с.
14. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса // М.: ЭКСМО. 2011. 510 с.
15. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке // СПб.: Экономическая школа. 1998. 230 с.
16. Блауг М. Методология экономической пауки, или Как экономисты объясняют // М.: НП "Журнал Вопросы экономики". 2004. 416 с.
17. Голод И.Г. Рынок // М.: Экономика. 2019. 367 с.
18. Егоров Д.Г., Егорова А.В. К вопросу об определении понятия «деньги» // Финансы и кредит. № 5. 2006. С. 14–16.

19. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход // М.: ГУ ВШЭ. 2003. 671 с.
20. Нетер Э. Инвариантные вариационные задачи / Вариационные принципы механики // М.: Физматгиз. 1959. С. 611–630.
21. Вудфорд М. Таргетирование инфляции: совершенствовать, а не списывать в утиль // Вопросы экономики. № 8. 2007. С. 28–48.
22. Степин В.С. Теоретическое знание // М.: Прогресс-Традиция. 2000. 744 с.
23. Ходжсон Дж. Что такое институты? // Вопросы экономики. № 8. 2007. С. 28–48.
24. Кант И. Критика чистого разума // М.: Наука. 1998. 656 с.
25. Петти В. Экономические и статистические работы // М.: Книга по Требованию. 2012. 324 с.
26. Кара–Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука // М.: ЭКСМО. 2002. 256 с.
27. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // М.: ЭКСМО. 2016. 1056 с.
28. Рикардо Д. Начало политической экономики и налогового обложения. Избранное // М.: ЭКСМО. 2012. 957 с.
29. Маркс К. Капитал. Том первый / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23 // М.: Госполитиздат. 1960. 907 с.
30. Милль Дж. Основы политической экономии. Т.2 // М.: Прогресс. 1980. 480 с.
31. Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 47 // М.: Госполитиздат. 1973. 659 с.
32. Маркс К. К критике политической экономии. / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 13 // М.: Госполитиздат. 1959. С. 1–167.
33. Podolinski S. Le socialisme et l' unite des forces physiques // La Revue socialists. No. 8. 1880. P. 353–365.
34. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии // М.: Ноосфера. 1991. 86 с.
35. Вереникин А.О. Оптимизационные принципы в механике и экономике: поиск энергетических оснований трудовой теории стоимости // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. № 3. 2010. С. 3–44.
36. Попсуев А.В., Тиличенко А.Г. Энергетический эквивалент стоимости // Хабаровск: ХИИЖТ. 1965. 20 с.
37. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа–общество–человек: устойчивое развитие // М.–Дубна: Ноосфера. 2000. 320 с.
38. Вальтух К.К. Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики // М.: Янус-К. 2001. 823 с.
39. Егоров Д.Г. Об объективной мере стоимости невозобновляемых ресурсов // Экономист. 2012. № 5. С. 91–94.
40. Николов И. Кибернетика и экономика // М.: Экономика. 1974. 170 с.
41. Дятлов С.А. Предмет и метод теории информационной экономики / Экономическая теория на пороге XXI века - 2 // М.: Юрист. 1998. С. 497–519.
42. Эшби У.Р. Введение в кибернетику // М.: Иностранная литература. 1959. 432 с.
43. Miller J.G. Living Systems // McGraw-Hill Book Company. 1978. 1102 p.
44. Турчин В.Ф. Феномен науки // М.: ЭТС. 2000. 368 с.
45. Егоров Д.Г. Информация и стоимость // Финансы и кредит. № 7. 2007. С. 58–64.
46. Понпер К. Открытое общество и его враги. Т. 2 // М.: Феникс. 1992. 528 с.
47. Arrow K.J., Debreu G. Existence of Equilibrium for a Competitive Economy // Econometrica. Vol. 22. 1954. P. 265–290.
48. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. № 12. 1989. С. 5–14.
49. Сорос Дж. Алхимия финансов // М.: ИНФРА–М. 1997. 416 с.
50. История экономических учений / под ред. В. Автономова, и др. // М.: ИНФРА–М. 2000. 783 с.

51. *Eichner A.S.* The Macrodynamics of Advanced Market Economics // NY: Armonk. 1991. 1075 p.
52. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе // М.: Дело ЛТД. 1994. 687 с.
53. *Leontief W.* Die Wirtschaft als Kreislauf // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Vol. 60. 1928. P. 577–623.
54. *Сраффа П.* Производство товаров посредством товаров // М.: ЮНИТИ–ДАНА. 1999. 160 с.
55. *Куриц Х.Д., Салвадори Н.* Расширенная интерпретация концепции «затраты–выпуск»: сравнительный анализ ранних работ В. Леонтьева и П. Сраффы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Вып. 2. 2007. С. 3–21.
56. *Егоров Д.Г., Егорова А.В.* К вопросу о коррекции рыночных цен (надо ли это делать? и можно ли?) // ЭКО. № 11. 2005. С. 158–166.
57. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. Вып. 1. 1993. С. 10–23.

D. Egorov (e-mail: de-888@ya.ru)

Doctor of Philosophy, Professor of the Academy of Federal Penal Service of Russia (Pskov Branch) & Pskov State University

IS VALUE AN EXCESSIVE OR A NECESSARY CATEGORY IN ECONOMICS?

The author assumes that modern economy as such is a nonlinear complex system with a deep division of labor. He maintains that a return to the value approach in economics is quite relevant, as long as fully meeting the needs of human society as an integral whole at lowest cost is considered the goal of any economy.

Keywords: information, measure, principle, value, economics.

DOI: 10.31857/S020736760010113-3